

Е. С. Соколова

**«ИСКУССТВО ПАМЯТИ» В КОРОНАЦИОННЫХ
СТРАТЕГИЯХ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ПЕРВЫХ
РОМАНОВЫХ: У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ
НАДСОСЛОВНОГО ИМИДЖА РОССИЙСКОГО
САМОДЕРЖАВИЯ (1650 – 1680-е гг.)**

В статье рассматривается возможность использования методологических конструкций, созданных в рамках научного направления «история и политика памяти», применительно к историко-правовым исследованиям. На основе сопоставления церемониальных текстов и законодательного сопровождения официальных мероприятий московского двора, автор делает вывод о превращении самопрезентаций верховной власти в важный инструмент юридической политики Российского государства XVII столетия.

Ключевые слова: «искусство памяти, законодательные стратегии, церемониальный текст первые Романовы, самодержавие, надсословная монархия, юридический дискурс.

В последнее время реконструкция культурно-исторических кодов прошлого привлекает внимание специалистов, представляющих самые разные отрасли гуманитарного знания. Наряду с исследованием вербальных текстов, направленных на реализацию многообразных коммуникативных практик, одним из наиболее востребованных направлений современного научного дискурса является обращение к текстуальным стратегиям «искусства памяти». Свойственный им мемориальный потенциал представляет собой результат синтеза различных способов самоидентификации и проявляется на уровне визуального восприятия окружающей действительности как отдельным индивидуумом или социальной группой, так и целым народом, объединенным общей историей и культурой²⁷⁹.

Наиболее последовательные методологические новации в области выявления репрезентативных возможностей памяти, имеющей субъективную природу, но в то же время представляющую собой основной инструмент конструирования совместного бытия нации и

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Sokolova Elena, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

²⁷⁹ Хаттон 2003: 33 – 90; Репина 2011: 411 – 502; Йейтс 1997:12 – 67.

государства, предложили французские историки «младшего поколения» «Анналов» во главе с П. Нора. Концепция «мест памяти», созданная ими под воздействием платоновской теории «эйдосов» и мнемонических экспериментов Аристотеля, построена на утверждении о символическом значении определенных топографических мест, служащих в качестве неких «внешних отметин» и определяющих формы социального поведения людей в их «повседневных взаимодействиях»²⁸⁰.

В современной научной литературе общепринятой является самая широкая интерпретация введенного Нора и поддержанного его последователями представления о культурно-историческом значении «мест и образов» утраченного нами исторического времени для реконструкции прошлого. «Гражданские» историки рассматривают с мнемонической точки зрения не только определенное историко-географическое пространство, но и, говоря словами П. Рикёра, «символические объекты нашей памяти», в том числе и применительно к политическому контексту истории российского самодержавия²⁸¹. Добавлю, что обращение к мемориальной тематике на историко-юридическом уровне способно расширить научный инструментарий, необходимый для воссоздания способов правового мышления людей прошлого, социокультурных аспектов присущих им типов правосознания и многообразия знаковых форм «овеществленного» юридического бытия.

Мнемоническая смысловая нагрузка, имеющая гносеологическое значение для историко-правовых штудий, присутствует в мемориальных церемониях, праздниках, архитектурно-природном ландшафте официальных резиденций. Политико-правовая семантика данных объектов некогда обеспечивала взаимодействие между повседневным стилем мышления и поведенческими стратегиями людей, их отношением к прошлому и настоящему, государству, власти, гражданским обязанностям, правовым и нравственно-религиозным ценностям, способствуя, в конечном итоге, политической самоидентификации отдельного индивида и коллективной гражданской общности.

Совершая интеллектуальное путешествие в прошлое, мы не только соприкасаемся с иной картиной мира, но и получаем возможность сравнить свои ценностные ориентиры с тем, что интересовало наших предшественников. В то же время взгляду непредвзятого исследователя нередко открывается зыбкость и

²⁸⁰ Нора 1999: 17 – 50; Постникова 2014: 292 – 293.

²⁸¹ Нора 1999: 17 – 50; Рикёр 2004: 563; Как сделана история: 2002: 42 – 67; Лукин 2000: 34 – 88; Успенский 1998: 315 – 524; Флайер 2001: 203 – 239; Мельникова 2000: 95 – 115; Кром 2 001: 370 – 397; Кром 2010: 130 – 169.

нарочитая условность в преемственности культурно-исторических кодов, которые, как правило, создаются по воле интеллектуальной или политической элиты для передачи мифологем и различных интерпретационных стратегий, утверждающих тот или иной мемориальный канон в качестве коллективного «образа памяти». Методологический потенциал мемориальных конструкций, некогда разработанных с целью воздействия государственной власти на уровень массовой правовой культуры, представляет актуальность и для историко-правового исследования. Применительно к истории Российского государства обращение к методикам «исторической памяти» содействует выявлению способов трансляции идеологических сюжетов, оказавших решающее воздействие на институционализацию самодержавной доктрины и формирование сословного законодательства.

В период раннего Нового времени среди различных вариантов сотворения мифа о прошлом с целью концептуализации проблемы власти, бесспорно, лидировали династические сюжеты, берущие начало в историко-политической традиции императорского Рима. Не последняя роль в актуализации интереса западных интеллектуалов к славным деяниям предков принадлежала прагматической потребности в формировании политической идеологии, способствующей объединению сословий вокруг королевской власти²⁸².

Аналогичные примеры встречаются и в российской политико-правовой практике первых Романовых, направленной на легитимацию самодержавного принципа правления, не обретшего в XVII в. строгую институциональную форму. В отличие от европейских образцов конструирования династического мифа, в ходе которого историописание и юридические конструкции королевского абсолютизма в равной мере послужили основанием для формирования концепции происхождения французской государственности, в России приоритетное начало оставалось за идеологическим компонентом государственной политики. Это было оборотной стороной доминирующей роли самодержавия во всех сферах социальной жизни и в политической системе Российского (Московского) государства, постепенно преодолевавшего последствия Смутного времени. Представляется, что высокий удельный вес самодержавного идеала, свойственный массовому правосознанию российского населения после воцарения династии Романовых, объяснялся, прежде всего, серьезностью стоявших перед страной внешнеполитических задач. Наряду с этим некоторые исследователи отмечают и такой немаловажный фактор, как «жесткие обстоятельства

²⁸² Эльфонд 2012: 207 – 223.

существования страны с ограниченным экономическим потенциалом»²⁸³.

Следует добавить, что в этих условиях особую важность приобретали репрезентативные стратегии моделирования официальных политико-правовых конструкций, основанных на переосмыслении исторических реалий прошлого. Проблема авторства подобных историко-политических сценариев, привлекает сегодня внимание специалистов-историков применительно к выявлению роли политических элит в проектировании идеологической константы Российского самодержавного государства. Самостоятельный научный интерес представляет вопрос о способах трансляции мнемонических кодов историко-правового содержания с целью их превращения в многоканальный инструмент воздействия самодержцев на правосознание многочисленных социальных групп, находившихся в подданстве у короны²⁸⁴.

В частности, воцарение династии Романовых, взявшей курс на последовательное укрепление самодержавных институтов Российского государства по образцу старомосковского идеала, способствовало не только усилению мемориального значения церемониальной практики, но и последовательному закреплению некоторых ее элементов на законодательном уровне. Речь в данном случае шла, прежде всего, о том, чтобы придать максимальную светскость традиционному представлению о сакральной природе царской власти. Новые церемониалы, которые разрабатывались с учетом старомосковских образцов, почерпнутых, в свою очередь из византийского придворного обычая, были выдержаны в духе государственного патернализма и сложившемуся еще до Смуты образу государя-помазанника, опекающего своих подданных, независимо от их социально-юридической принадлежности.

О решающем воздействии внешнеполитического аспекта на формирование старомосковской модели самодержавия свидетельствуют и некоторые особенности публичного церемониала, текстовая стратегия которых в значительной степени формировалась под воздействием политико-правовых аспектов теории «Москва – третий Рим». Их присутствие хорошо прослеживается в официальной записи 1655 г. о торжественной церемонии въезда в Москву царя Алексея Михайловича после его возвращения из успешного для России польского похода, в результате которого у Польско-Литовского государства были отвоеваны земли от Смоленска до Вильно. Основа церемониального текста создавалась в данном случае под воздействием средневекового представления о Московском

²⁸³ Соколова 2014: 291 – 307; Марасинова 2004: 129; Марасинова 2008: 111 – 113.

²⁸⁴ Уортман 2002: 20 – 44; Зицер 2008: 15 – 21; Как сделана история 2002: 42 – 67.

государстве как о богоданном оплоте мирового православия. Светский элемент этого торжества был выдержан весьма скупо и заключался в организации двухдневного пушечного салюта «перед пришествием Царского Величества ... и в вечер и с утра...». По сообщению законодателя, из Москвы было удалено много празднующихся людей из-за того, что возникла необходимость разместить боевые пушки таким образом, «чтоб разумели, что те пушки с Царским Величеством в походе были и ныне перед пришествием Царского Величества из похода привезены». Их сопровождали «60 знамен стрельцов, подо всяким знаменем 18 или 20...»²⁸⁵.

Центральным элементом церемонии въезда стали, однако, не военные торжества, подобные древнеримскому триумфу, а пышная религиозная процессия, отмеченная мощным знаковым потенциалом. Навстречу царю «шли из города многие попы в ризах по два человека в ряд ... и звонили во все колокола везде в городе и на Дворце». Законодатель отмечает, что за ними несли два образа, символизирующих «крестное знамение». Помимо этого, в распоряжении участников процессии находился «великий, златом оправленный фонарь ... а при нем 4 злаченныя круглыя звезды и крест великий, злаченный и хорошо писанный». Эти атрибуты православного культа символизировали небесную сферу. Вокруг нее были расположены «чудные злаченые и хорошо писаные образы, а при них книги, ... а на вих Херувимы и Серафимы на золоте писаны, которых несли попы, ... а при них многия запалены свечи и кадила»²⁸⁶.

Церковное шествие замыкали три патриарха, одетые в соответствии со своим саном. Именно они возглавили встречу государя, настаивая на том, чтобы послы всех других государств сняли свои шляпы из уважения к Патриарху и «иным честным людям», что впоследствии послужило основанием для обмена взаимными претензиями между Москвой и шведской короной. Тем не менее, сакральный элемент церемониала встречи государя в значительной степени уравновешивался светской составляющей. В частности, тенденция к огосударствлению церкви хорошо видна на примере организации торжественной процессии, идущей к лобному месту для проведения богослужения. Все три патриарха шествовали в сопровождении думного дьяка Алмаза Иванова, которого окружала дьяческая элита, служившая под его началом²⁸⁷.

Пышный характер зрелища, представленного населению Москвы и проживающей в ней иностранцам, достигался с помощью

²⁸⁵ ПСЗРИ. I.T.I. № 171.

²⁸⁶ Там же.

²⁸⁷ Там же.

хорошо продуманных декораций, призванных подчеркнуть репрезентативную роль самодержавия в обеспечении международного авторитета Московского государства. Алексея Михайловича сопровождали как придворные чины, так и некоторые военачальники. Его «почетный кортеж» состоял из сорока отборных царских лошадей, «оседланных в хороших в конских нарядах и в низанных чепраках». Отдельно, «на драгоценном покрове» расположили герб «Царского Величества, орел ... вышит золотом». Перед царем несли «знамя Государево», а за ним шел сам Алексей Михайлович « в белой собольей шубе с широким собольим ожерельем». Из уважения к патриархам царь оставался с непокрытой головой. Внушительность царских регалий и использованной в шествии православной атрибутики была такова, что, по сообщению законодателя, даже «цесарские ... послы ... все без шляп стояли, ... и образам до самая земли кланялись»²⁸⁸.

Большое значение организаторы торжественного царского въезда в столицу придавали созданию иллюзии единства между отдельными категориями подданных и монархом. Обряд церемониала предполагал преподнесение даров «Царскому Величеству от честных людей, от гостей и от иных» в форме самых различных подношений, включая серебряные и золотые блюда, позолоченные кубки, соболиные шкурки, хлеб-соль и бытовую утварь. Характер этих подношений свидетельствовал о заинтересованности верховной власти в развитии посадской торговли и ремесла, дополнительный импульс которому придавала активная внешняя политика на западном направлении, нацеленная на возвращение в состав Российского государства ряда городов бывшей юго-западной Руси.

Еще более важную роль в моделировании социально-правового имиджа самодержавной власти играл религиозный фактор, значение которого не исчерпывалось постулированием ее сакральной природы. В интерпретации законодателя белое и черное духовенство, составлявшее основной костяк церемониального шествия, выступало в качестве основного союзника укрепления самодержавного принципа. Подобное отношение к дальнейшей перспективе политического союза между «священством» и «царством» можно проследить в описании шествия царя Алексея Михайловича к лобному месту, где он «трижды великому образу поклонился». В это же время «попы и чернецы» находились рядом с послами «свейской короны», которые усиленно демонстрировали нарочитое пренебрежение к военным успехам России в Польше. Их нежелание снять головные уборы перед царем, свидетельствовало на визуально-репрезентативном уровне о серьезности притязаний Швеции на

²⁸⁸ Там же.

пересмотр итогов военной кампании 1654 – 1655 гг. По словам законодателя, когда православное духовенство проходило там, где «...Королевские Свейские посольские люди стояли», то «всем миром» оно потребовало от шведов соблюдения правил церемониала. Лица духовного звания были поддержаны стрельцами, что было отмечено на законодательном уровне как свидетельство социально-политической стабильности самодержавной власти, сумевшей обеспечить поддержку своего внешнеполитического курса со стороны самых разных слоев населения²⁸⁹.

Несомненный историко-правовой интерес представляет описание церемониала царского выхода в Успенский собор на праздник Цветоносного Христова Воскресения 9 марта 1665 г. Разработанный для этого случая церемониальный текст несет в себе явные черты «обмирщения» традиционной «Святой Руси». По мере возникновения перевеса «царства» над «священством» в ходе реализации церковной реформы патриарха Никона данная тенденция постепенно превращалась в неотъемлемый элемент государственно-придворного быта второй половины XVII столетия.

По словам законодателя, официальное посещение царем Алексеем Михайловичем «Соборной и Апостольской церкви Успения Пресвятыя Богородицы» сопровождалось «пришествием» большого количества верхушки служилых людей. Государя, который находился в приличном к данному случаю Царском одеянии, «в порфире и диадеме», сопровождали «... и Бояре, и Окольничие, и Думные, и ближние люди, и Стольники, и Стряпчие, и Дворяне Московские, и Дьяки...». В царской свите находились царевичи «Касимовский и Сибирские». Этот факт свидетельствовал не только о территориальном расширении Московского государства, но и служил знаковым отражением вхождения этнической элиты в состав «служебников» российских государей, социальная важность которого отмечена в отдельных нормах «Соборного Уложения». Особую категорию лиц, приближенных к государю, составляла верхушка посадского населения - «гости», пришедшие «в золотом платье», солярная семантика которого указывала на общегосударственное значение финансово-экономического взаимодействия будущей купеческой элиты с царской казной²⁹⁰.

В том же окружении царь находился и на Лобном месте, куда он направлялся для присутствия на «молебствии» после участия в крестном ходе в «церковь входа Иерусалима». Статусное значение царской власти, обретающей роль пастыря своих подданных, включая верхушку духовенства, было отражено в описании обряда шествия

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же. № 372.

преосвященного митрополита Павла Сарского и Подонского «на осляти» обратно к Соборной церкви. Царь Алексей Михайлович возглавил эту процессию вместе с боярином князем Я. К. Черкасским. Следом за ними шли остальные митрополиты со всем Освященным Собором, «а перед властями везли вербу». На всем протяжении царского пути находились стрельцы в парадных одеждах, которые не только охраняли государя, но и устилали дорогу дорогим разноцветным сукном. Публичный характер церемонии подчеркивался и тем, что стрельцы «ратным обычаем с знамены и с ружьем» были расставлены по всему Кремлю и Китай-городу «по обе стороны дороги на площади и около лобного места»²⁹¹.

Задача укрепления самодержавия на внутригосударственном уровне способствовала разработке церемониала по случаю вступления в совершеннолетний возраст царевича Алексея Алексеевича, который рассматривался по старомосковскому обычаю как легитимный наследник царствующего государя. Обнародование известия об этом событии состоялось 1 сентября 1667 г., что придало описанию бывшей при этом церемонии нормативно-правовое значение. Его официальный текст пронизан православными мотивами в духе доктрины божественного происхождения царской власти, согласно которой царевич получил наименование «благородного и благочестивого Государя Нашего... вожденного всему христианскому множеству...». В торжественной речи, произнесенной по этому случаю царем Алексеем Михайловичем, особо подчеркивался факт нравственной подготовленности будущего наследника престола к исполнению его высокой религиозно-политической миссии, сущность которой была открыта ему «предобрими учениями» под руководством царствующего государя²⁹².

Церемония празднования совершеннолетия царевича предусматривала обряд торжественного шествия царя и его наследника из царских покоев в Успенский собор. Одним из знаковых мотивов использованного организаторами торжества церемониального текста являлось закрепление на визуально-репрезентативном уровне идеи преемственности верховной власти. С этой целью законодатель разработал порядок представления совершеннолетнего царевича трем вселенским патриархам, церковному собору, «Бояром, Окольничим, Думным и ближним и всяких чинов ратным и приказным и всем всякого чина и возраста людем...» Надсословная направленность данной церемонии была усилена самим Алексеем Михайловичем. В своей, говоря современным языком, презентационной речи, царь представлял юного Алексея «всенародному множеству» в качестве

²⁹¹ Там же.

²⁹² Там же. № 415.

«источника всех благ Бога», направленных на достижение благополучия подданных, «здравия» самого государя «и на враги победу»²⁹³.

Из личных «хором» царевича торжественная процессия, возглавляемая Алексеем Михайловичем, проследовала в «Царские палаты», куда архимандрит Чудова монастыря Иоаким принес «чудотворную всемилостивейшую Спаса икону, перед которую и в самыя Царския полаты шли благолепнее Диаконы с кадилы и со свечами, священными одеждами украшены». В средневековой традиции образ Спаса имел важную смысловую нагрузку, так как рассматривался в качестве защитника Земли и Веры. Согласно описанию церемониала совершеннолетия, «всемилоствигаго Спаса икону» пронесли в Успенский собор «пред Их Государскими персонами благочинно»²⁹⁴.

Не был забыт и светский компонент торжества, рассчитанный на укрепление надсословного имиджа царской власти. Шествие государей в окружении «ближних чинов» происходило с поистине византийским великолепием. По словам законодателя, «путь их Государской ... постлан был многоценными коврами...». Царь и царевич были одеты в парадное суконное платье с богатой жемчужной отделкой. Блистало роскошью и царское место, «облаченное червчатым бархатом». За торжественной процессией наблюдало большое количество людей разного социального положения. Именем «Государя Царевича» боярин и князь И. П. Пронский «спрашивал о здоровье Стольников и Стряпчих, и Дворян Московских и всяких чинов людей». Церемония проходила на специально подготовленной Соборной площади в окружении высших духовных иерархов, служилых людей, приказных и посадского населения. Там же находились «иноземцы Полковники и Подполковники и иных чинов начальные многие люди»²⁹⁵.

Совершеннолетие царевича пришлось на день празднования «нового лета», которое по традиции носило религиозный характер и сопровождалось славословиями и пожеланиями здравия всем членам царской семьи. От имени государя поздравления прозвучали и в адрес патриархов. После этого поздравительное слово было дано царевичу Алексею Алексеевичу, который воздал хвалу Богу в распространенном тогда стиле «плетения словес». В описании церемониала особо отмечается то впечатление, которое оставила произнесенная царевичем речь на его слушателей. Автор утверждает, что слова его, обращенные к отцу-Государю, были полны такого

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же.

почтения и благоразумия, что весь народ «радостному умилению ... подвигся». Законодатель отметил, что приподнятое настроение присутствующих было вызвано впечатляющим зрелищем духовного единства царственного отца и его «благоверного» сына, стоящих друг перед другом «яко светлосиятельная луна» и «пресветлое солнце». Алексей Михайлович «изволил» милостиво обратиться к царевичу и «жалуючи Его сына Своего Государева, целовал Его Царевичеву главу». Затем оба они приняли славословия от «всяких чинов людей», которые лишь после этого «здравствовали ... святейшим Патриархом и всему Освященному Собору, а речь говорил Боярин Князь Никита Ж Иванович Одоевский».

Дальнейшее «действие» разворачивалось уже в «столовой избе» царских палат, куда не было приглашено духовенство, оставшееся служить церковную службу в Успенском Соборе Кремля. Здесь царь Алексей Михайлович раздавал пожалования боярам и ближним людям в честь «объявления сына Своего Государева...», которые представляли собой небольшие «придачи» «... прежним денежным окладам». Все категории служилого населения Москвы получили «поместного окладу по сту четвертей, денег по двенадцати рублей». Щедрые пожалования были даны дьякам, стрельцам и «нижних чинов начальным людям и рейтарам» на основании разрядных списков. Царь принимал своих подданных на фоне «всемиловитоваго Спаса всечестной иконы», которую приказал поставить на специально подготовленном для этого месте. После окончания литургии в Успенском Соборе, которую Алексей Михайлович посетил вместе с сыном, он пригласил к столу в Грановитую палату думных чинов и «ближних людей», запретив при этом устраивать местнические споры во время трапезы. Здесь же присутствовали и все высшие православные иерархи наряду со священниками столичных церквей²⁹⁶.

Церемониальный текст официального торжества, организованного по случаю совершеннолетия царевича Алексея Алексеевича, свидетельствует не только о намерении верховной власти поддержать паритет в отношениях между «священством» и «царством», но и о наличии мощной надсословной тенденции в формировании социально-политического имиджа самодержавия. В целом, следует отметить наличие явного приоритета «мирской» части торжественного сценария, направленной на легитимацию визуально-мнемоническими средствами старомосковского обычая передачи верховной власти от отца к сыну.

Активное использование на нормативно-церемониальном уровне православных догматов для идеологического обрамления

²⁹⁶ Там же. № 416.

самодержавного принципа не исключало наличия целенаправленного воздействия на присутствующих тенденции к «обмирщению» политической практики Московского государства. Когда в 1668 г. в Грановитой палате Кремля антиохийский патриарх Макарий вручал «благословенные грамоты» Алексею Михайловичу и членам всей царской фамилии, по этому поводу была разработана особая церемония. Ее текстовая стратегия основывалась на сакрализации царской власти, что достигалось за счет умелого сочетания элементов «возвышенного и земного» в организации посещения патриархом «Государева двора».

В частности, карета за «святейшим Макарием» была отправлена из царской конюшни по именному указу Алексея Михайловича. В пути его сопровождали как духовные лица, так и члены Боярской Думы. Охрану патриаршьяго «поезда» поручили стрельцам, расставленным «от Чудова монастыря по площади по обе стороны, и до Благовещенския паперти и по рундуку... с ружьем, и с знаменны и с барабаны, в чистом платье». Большое количество служилых людей по отечеству, (в основном, жильцов), находилось в Кремле на пути следования Макария Антиохийского «до дверей Грановитых сеней до шатра». Здесь по указу Алексея Михайловича патриарха встречали князь Я. Н. Одоевский и дьяк приказа Тайных дел Федор Михайлов, «державший» торжественную речь. Тот же порядок встречи патриарха повторился в передней Грановитой палаты, где Макарий благословил всех присутствующих, включая дьяков и гостей, стоявших по обе стороны входа «в золотых и в горлотных шапках». Алексей Михайлович восседал «на своем Царском месте в диадиме с скипетром в окружении всех членов Боярской Думы, включая думных дьяков. По обе стороны дверей выстроились стольники и стряпчие «в золотых же и в горлотных шапках»²⁹⁷.

Церемониал встречи одного из вселенских патриархов заключал в себе важную смысловую нагрузку. В приветственных речах, обращенных по приказу царя к высокому гостю, особо подчеркивалось стремление московского государя-самодержца к тому, чтобы оказать высокую честь посланцу из далекой османской Антиохии. В качестве патриарха «великаго Божия града ... и всего Востока» Макария торжественно встретили грузинский царевич Николай Давыдович, находившийся в российском подданстве, и ближний царский боярин Б. М. Хитрово. В их сопровождении он вошел в Грановитую палату, пройдя через которую оказался у подножия царского трона²⁹⁸.

²⁹⁷ Там же. № 429.

²⁹⁸ Там же.

Принимая благословение от патриарха, «Великий Государь изволил с своего Царского места встать и встретить патриарха на рундуке». Затем он милостиво взял Макария за руку и велел ему сесть подле себя «в креслах с левой руки». Каждый жест царя сопровождался подробным комментарием, дававшим московскому гостю возможность в должной мере оценить особенности старомосковского дипломатического этикета. Выполнение данной миссии было возложено на другого ближнего боярина и наместника Суздальского князя Ю. А. Долгорукова, объяснившего Макарию, что оказанная ему почестъ является результатом глубоко почитания в Москве его «пречестного Архирейства»²⁹⁹.

Далее состоялась церемония вручения «благословенных грамот» Великому государю и членам царской семьи. Подойдя к патриарху, Алексей Михайлович собственноручно снял с себя царский венец и «главу свою Государскую преклонил, и Патриарх ... молитву говорил по книге над главою Великого Государя». Затем патриарх возложил на голову царя епитрахиль «и тое грамоту на Его Государской голове чел в слух; а Великий Государь во время той благославленной грамоты чтения, изволил свою Государскую главу ему преклонити ж». Затем к царской руке были допущены все люди из патриаршьей свиты. В это время Макарий вписывал имена всех членов царской семьи в специально приготовленные для этого грамоты, которые и поднес Алексею Михайловичу.

На основании царского указа, объявленного Макарию князем Ю. А. Долгоруким, патриарх был пожалован едой и питьем с царского стола. Таким образом, весь церемониальный текст, сопровождающий вручение «благославленных грамот», следует рассматривать как отражение концептуальной основы старомосковского представления о вселенском лидерстве Москвы в православном мире, нестабильном в условиях постоянной угрозы, как со стороны исламского Востока, так и католического Запада. При этом защита православия ассоциировалась в данном случае уже не с отношениями симфонии между «священством» и «царством», а с явным приоритетом самодержавной власти в разработке религиозно-политической стратегии Московского государства.

Иные смысловые акценты присутствуют в описании церемонии погребения царевича Алексея Алексеевича, состоявшейся 17 января 1670 г. Этот документ пронизан религиозными аллюзиями, основанными на традиционном старомосковском представлении о божественном происхождении царской власти, заимствованном из римско-византийской традиции. Политико-правовой смысл обнародования основных элементов похоронного церемониала

²⁹⁹ Там же.

заклучался, прежде всего, в оповещении подданных о смерти наследника, произошедшей «изволением Всесильного Господа Бога». Стремясь сохранить телеологическую направленность официальной трактовки скоростижной кончины царевича, законодатель воздержался от светской интерпретации произошедшего, отметив лишь факт перехода юного Алексея в «вечное блаженство Небесного Царствия»³⁰⁰.

Соответствующим образом была спланирована и церемония погребального шествия в Соборную церковь Архангела Михаила, где должна была состояться литургия с последующим захоронением тела царевича рядом с останками его деда Михаила Романова – основателя новой московской династии. Траурный кортеж в сопровождении всех видных православных иерархов, идущих во главе процессии, медленно продвигался через Постельное, а затем Красное крыльцо по направлению к усыпальнице московских государей. Алексей Михайлович в окружении служилых людей, одетый в подходящее случаю «печальное» платье, сопровождал своего усопшего сына³⁰¹.

В Соборную церковь тело царевича было внесено комнатными стольниками, которые затем уступили место высшему духовенству для проведения обряда погребения. Религиозный элемент церемонии был дополнен сословным компонентом, отражающим светскую сущность института наследования царской власти. По сообщению законодателя, после отпевания к «государевой» руке усопшего царевича по очереди подходили члены Боярской Думы, московские служилые люди, приказные дьяки и подъячие «с великими неутешными слезами». Здесь же толпились рядовые москвичи «разных чинов» «в многонесчетном числе», которые «от великие ... печали зело многослезно плакали». По приказу царя в течение сорока суток возле гроба поочередно находились ближние бояре, окольничие и думные люди, «а с ними стольников по 10 человек». Таким образом, в условиях острой социально-политической потребности самодержавия в объединении всех слоев населения вокруг верховной власти с целью достижения стабилизации Московского государства, тенденция к синтезу сакральных и мирских элементов церемонии погребения Алексея Алексеевича была сформирована под воздействием мощного надсословного компонента.³⁰²

Усиление репрезентативно-публичного аспекта церемониального текста торжественных мероприятий, знаменующих важные вехи российской государственной жизни второй половины

³⁰⁰ Там ж. № 464.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же. № 429.

XVII в., хорошо прослеживается на примере празднования вступления в совершеннолетие царевича Федора Алексеевича (1674 г). Судя по описанию церемонии, сопровождавшей это событие, его обнародование носило ярко выраженное политико-правовое значение, знаменующее, прежде всего, потребность правящей династии в легитимации своего статуса в восприятии подданных и на уровне мирового сообщества. В частности, по словам законодателя, необходимость публичного мероприятия, рассчитанного на все категории старомосковского населения, обсуждалась по инициативе царя Алексея Михайловича в Боярской Думе [20, с. 987]. Приуроченный к этому случаю порядок торжественной царской процессии из «Государских хором» в Благовещенский собор Кремля отличался хорошо продуманной помпезностью по сравнению с предыдущими торжествами подобного рода³⁰³.

На пути следования здравствующего государя и юного царевича до Соборной церкви их сопровождали бояре, окольные и думные люди, которые «здравствовали и кланялись в землю». Архимандрит Троице-Сергиева монастыря Викентий нес перед царственными особами образ Спаса Нерукотворного. Соборная площадь и прилегающая к ней часть Государских хором до Постельного крыльца была застелена дорогими персидскими коврами, имевшими статусное значение. По сообщению законодателя, дорогу в Благовещенский собор кропили святою водою «священники Михаил да Никифор».

В Соборной церкви «Великого Государя и Государя Царевича ожидали Святейший Патриарх Иоаким со освященным собором во облачении». Весьма внушительно выглядела охрана царского шествия, состоящая из московских стрельцов, вооруженных саблями и пищальями. Тут же на Соборной площади, были выстроены иноземные полки «нового строя». Представительный характер организованного при московском дворе зрелища подчеркивался и тем, что на торжественную церемонию были приглашены «торговые иноземцы», находившиеся под охраной стрелецкого войска и его начальника Василия Бухвостова. На церемонии присутствовали посланники из Дании и Польши в сопровождении переводчиков. По приказу Алексея Михайловича к ним были отправлены дяки Посольского приказа «спрашивать от Великого Государя и от Государя Царевича о здорвьях...»³⁰⁴.

В это время царь вместе с Федором Алексеевичем уже находился в Соборной церкви, где им пели многолетие. Поклонившись чудотворным мощам и святым иконам, отец и сын получили

³⁰³ Там же. № 568.

³⁰⁴ Там же.

благославление от патриарха, а затем проследовали на царские места, приготовленные между Благовещенским и Архангельским соборами для проведения торжественного богослужения. После молитвы, произнесенной патриархом, Иоакиму был поднесен образ Спаса, символизирующий божественную природу верховной власти «и Святейший Патриарх, приняв Спасителей образ осенял на четыре страны с молитвою по трижды». Певчие дьяки вновь провозгласили «многолетие», во время которого высшее соборное духовенство, государь и царевич Федор обменивались взаимным «здравствованием» и произносили друг перед другом приветственные речи. Эта часть церемонии была открыта Иоакимом, слушая которого Великий Государь и Государь Царевич с своего государского места сходили ж»³⁰⁵.

С государственно-правовой точки зрения наиболее важным элементом церемониала, посвященного совершеннолетию Федора Алексеевича, стала речь, обращенная царевичем к отцу. Публичный аспект церемониального текста, использованного в этом случае для выявления «общеземского» значения процедуры представления наследника престола московским людям «всех чинов», заключался в наличии продуманного визуального компонента для легитимации традиционного принципа преемства верховной власти от отца к сыну в условиях падения политической активности Земских Соборов. Например, по словам законодателя, великий князь Федор Алексеевич «...изговоря речь отцу своему ... учинил поклонение, и Великий Государь сына своего ... изволил целовать во главу крестообразно». В то же время вся церемония празднования совершеннолетия наследника престола была пронизана мощной религиозно-политической тенденцией, преследующей цель укрепления в умах присутствующих идеи божественного происхождения царской власти³⁰⁶.

Окончание торжества было спланировано таким образом, чтобы продемонстрировать консолидацию высших сословных категорий с членами правящей династии на основании «общего интереса». Его интерпретация еще не выходила за рамки подразумеваемого законодателем частно-правового договора с отдельными сословными группами и основывалась на практике пожалования земель и «придач к окладам». Кроме того, стремясь обеспечить себе религиозно-политическую поддержку высшего духовенства, Алексей Михайлович проявил свою «высочайшую» заинтересованность в данном аспекте сословной политики в ходе завершения церемониала. По словам законодателя, «после

³⁰⁵ Там же. № 568.

³⁰⁶ Там же.

Божественная литургия, пожаловал Великий Государь Святейшаго Патриарха со властями и своего Государского синклита к столу». Этот нарочитый жест действительно носил характер царского пожалования, уравнивающего в статусном отношении лиц духовного звания и служилых людей, приближенных к государю³⁰⁷.

Проанализированная модель надсословного по своей природе праздничного церемониала, направленного на достижение гармоничного соотношения между сакральной природой и публично-правовым предназначением самодержавия, активно использовалась и в организации торжественных царских выездов на богомолье. Описание подобного «сценария власти», имеющего нормативно-правовую природу, содержится в царской грамоте «боярину князю Я. Н. Одоевскому с товарищи» от 1 октября 1675 г., направленной с целью организации людей «разных чинов» для встречи государя и его приближенных на пути из села Алексеевского в Москву. Возвращение Алексея Михайловича из паломничества в Троице-Сергиев монастырь, приобрело намеренно театрализованный характер, что должно было продемонстрировать на знаковом уровне идею единства государя и всех слоев населения «царствующего града Москвы»³⁰⁸.

Царь назначил свое возвращение в столицу на 2 октября и потребовал от своих ближних бояр организации торжественной встречи. Согласно именному указу все категории московских служилых людей, исключая членов Боярской Думы, должны были отправиться в село Алексеевское в праздничном платье «и на лошадях на лучших». Оттуда им предстояло сопровождать царя до Сретенских ворот Земляного города, где обычно и устраивались аналогичные церемонии. Здесь царскую процессию ожидало посадское население Москвы, включая членов гостиной и суконной сотни, наряду с «чернослободцами».

По сообщению законодателя, въезд царя в столицу состоялся 2 октября 1675 г. В перечне сопровождавших его лиц упомянуты «Бояре и Окольничие и Думные и ближние люди и Стольники и Стряпчие, походные летние и зимние, и Стольники ж и Стряпчие и Дворяне Московские и Дьяки и Жильцы и всяких чинов в цветном в ратном в служивом платье...»³⁰⁹.

Составитель царской грамоты на имя князя Одоевского упоминает и о том, что в организации церемонии царской встречи были задействованы начальники и дьяки ряда московских приказов, в ведомстве которых находились различные категории служилых и посадских людей. Все они присутствовали на торжественном въезде

³⁰⁷ Там же.

³⁰⁸ Там же. № 609.

³⁰⁹ Там же.

Алексея Михайловича в Москву, согласно составленным приказными людьми поименным «росписям». Таким образом, религиозное паломничество царя, обычное для политической практики того времени, сопровождалось разработкой светского церемониала, выдержанного в духе патернализма и вполне соответствующего теоретическим представлениям старомосковского периода о божественной природе самодержавия, действующего в интересах всех подданных.

Законодательные сюжеты, приведенные в качестве наиболее ярких примеров моделирования сословно-династической политики первых Романовых, позволяют сделать вывод об отсутствии в юридическом арсенале московских законодателей продуманной и цельной концепции государственного суверенитета. Тем не менее, в XVII в. легитимация верховной власти, благодаря ее выборному характеру, происходила на основе постепенной реабилитации принципа законности, не получившего прочной социокультурной основы в предшествующий период³¹⁰. Данное обстоятельство предопределило повышенное внимание законодателя к вопросу о юридической составляющей правомочий монарха и, в целом, способствовало возникновению тенденции к ограничению деспотической основы российского самодержавия. В то же время большое значение для повышения социально-политического авторитета новой династии приобрела внешняя символика государственной власти на уровне церемониального текста, речевые аналоги которого получали закрепление на законодательном уровне с целью обнародования. Их разработка происходила с учетом потребности Российского государства в укреплении самодержавной идеи под воздействием комплекса факторов, опосредованных неблагоприятной внешнеполитической ситуацией и внутренними последствиями Смуты.

Моделирование семантики внешних атрибутов верховенства московских государей стало составной частью юридического дискурса периода правления первых Романовых, что, в конечном итоге, длительное время позволяло обходиться на законодательном уровне без абстрактных дефиниций понятия «самодержавие», а в дальнейшем способствовало введению словосочетания «неограниченная власть» в определение его юридической сущности.

Список источников и литературы

Зицер 2008 – Зицер Э. Царство преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Авторизованный

³¹⁰ Тарановский 2004: 83 – 110.

- перевод с англ. Д. Хитровой и К.Осповата. М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 240 с.
- Йейтс 1997** – Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб: Фонд поддержки науки и образования «Университетская книга», 1997. – 479 с.
- Как сделана история: 2002** – «Как сделана история» (Обсуждение книги Р.Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии») // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. - С. 42 – 67.
- Кром 2010** – Кром М.М. Историческая антропология. СПб.; М.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. – 214 с.
- Кром 2001** – Кром М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. Вып. 4 (122). М., 2001. - С. 370 – 397.
- Лукин 2000** – Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. - 296 с.
- Марасинова 2008** – Марасинова Е. Н. Власть и личность : очерки русской истории XVIII века / Отв. ред. Л. В. Милов. М.: Наука, 2008. – 460 с.
- Марасинова 2004** – Марасинова Е. Н. Государственная идея в России первой четверти XVIII в. (К истории формирования понятий и терминов) // Европейское просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С. Я. Карп. С. А. Мезин. М.: Наука, 2004. - С.129 – 149.
- Мельникова 2000** – Мельникова О. Б. Образ империи: церемониальные процессии в России в XVII – XVIII вв. (сравнительный анализ) // Образы власти в политической культуре России / Под ред. Е. Б. Шестопаля. М.: МОНФ, 2000. - С. 95 – 115.
- Нора 1999** – Нора П. [и др.] Франция – память. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. – 333 с.
- ПСЗРИ. I.T.I.** – Полное собрание законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. СПб., 1830. Собр. I. Т. 1. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.
- Постникова 2014** – Постникова А. А. Историческая память: французская версия // Современный педагог–историк: актуальные проблемы профессиональной подготовки и профессиональной деятельности. Ежегодник: Сборник научных статей. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2015. С. 290 – 293.

- Репина 2011** – Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. – 560 с.
- Рикёр 2004** – Рикёр П. Память, история, забвение / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
- Соколова 2014** – Соколова Е.С. История и политика в репрезентативных стратегиях коронационного церемониала в России XVII – XVIII вв.: юридический аспект // Запад, Восток и Россия: Историческая политика и политика памяти. Вопросы всеобщей истории. Сборник научных и учебно-методических трудов (Ежегодник). Вып. 16 / Под ред. В.Н. Земцова. - Екатеринбург: изд-во УрГПУ, 2014. - С. 291 – 307.
- Тарановский 2004** – Тарановский Ф. В. Соборное избрание и власть великого государя в XVII столетии // Тарановский Ф. В. История русского права. М.: Зерцало, 2004. – С. 83 – 110.
- Уортман 2002** – Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. М: ОГИ, 2002. - 607 с.
- Успенский 1998** – Успенский Б.А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры. 1998. - 680 с.
- Флайер 2001** – Флайер М. С. Расшифровка кода: Образ царя в обряде Вербного воскресенья в Московском государстве // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси: Антология / Сост. Дж. П. Маджеска; пер. с англ. З. Н. Исидоровой. Самара: изд-во «Самарский университет». 2001. - С. 203 – 239.
- Хаттон 2003** – Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль. 2003. – 423 с.
- Эльфонд 2012** – Эльфонд И.Я. Проблема этногенеза французов во французской историографии XVI в. // Историческая память в культуре эпохи Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. М.: Наука, 2012. - С. 207 – 223.

E.S. Sokolova

"THE ART OF MEMORY" IN CORONATION POLICIES AND LEGISLATIVE POLICY OF FIRST ROMANOV: THE ORIGINS OF THE FORMATION OF SUPRA-ESTATE IMAGE OF RUSSIAN AUTOCRACY (1650 – 1680-s)

The article discusses the use of methodological designs, created in the framework of the research area "the history and politics of memory", in relation to historical and legal research. On the basis of a comparison of ceremonial texts and legislative support of the official events of the Moscow courtyard, the author

concludes about the transformation of the self-presentations of the Supreme power in the important legal instrument of the Russian state policy in the XVII century.

Keywords: "the art of memory, legislative strategy, ceremonial text of the first Romanovs, autocracy, supra-estate monarchy, legal discourse.

Код ВАК 07.00.02, 07.00.03

С.Н. Хомченко

ВЫМЫШЛЕННЫЕ СЮЖЕТЫ В МЕМУАРАХ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ 1812-1814 гг.

Известны более сотни воспоминаний военнослужащих Великой армии, находившихся в русском плену в 1812-1814 гг. Однако некоторые мемуаристы или издатели, в первую очередь французские, позволяли себе вводить в собственно воспоминания полностью вымышленные сюжеты, преимущественно лирического характера. Одними из первых книг, рассказывающих широкой публике об условиях русского плена недавно законченной войны, были напечатанные в Париже в 1815 и 1817 гг. «Пленный в России» и «Путешествие французского офицера...». В статье сделана попытка выявить фантазийный характер фрагментов этих книг.

Ключевые слова: Эпоха 1812 года, русская провинция, военнопленные, мемуары, художественный вымысел.

Идея написания данной статьи возникла благодаря знакомству с работой В.Н. Земцова «Уральская провинция в 1812-1814 гг...», основные положения которой были озвучены на Малоярославецкой конференции 2007 г. В ней автор не только доказал художественную суть популярных якобы «мемуаров» сержанта Гийемара, впервые вышедших в 1826 г., но также определил настоящих авторов этой книги и основной источник их вдохновения.³¹¹

Однако идея введения в мемуарную литературу вымышленных сюжетов, а то и издания под видом мемуаров полностью выдуманных событий на историческом фоне, да еще и перемещение места действия в относительно экзотичную российскую провинцию, была к тому времени не нова. Попробуем подтвердить это на примере двух книг,

Хомченко Сергей Назарович, старший научный сотрудник Государственного Бородинского военно-исторического музея-заповедника (143240, Московская обл., Можайский р-н, п/о Бородино, кандидат исторических наук. Электронная почта: sergey_1812@mail.ru

Khomchenko Sergey, Senior researcher of the State Borodino War and History Museum-Reserve (143240, Moscow Region, Mozhaisky district, Borodino), Candidate of History, Телефон/Phone: +79057368180. Электронная почта/E-mail: sergey_1812@mail.ru.

³¹¹ Земцов 2007: 96-115.